

ГЛАВА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ,

в которой повествуется о том, как буддийские монахи по воле судьбы вынуждены были таскать тачки, и как Сунь У-кун избавил их от тяжелой доли

Стихи гласят:

За писанием священным
По горам неисчислимым.
Никогда не отдыхая,
Все на Запад он идет.
Пробежит ли быстрый заяц,
Пролетит ли черный ворон —
Все ему напоминает
О большом пути вперед.
Птичьи жалобные крики,
Опадающие листья —
Знак ему, что после лета
Наступили холода.
И три тысячи границ он
Пересек с учениками;
И бесчисленные видел
Бедный посох города.
Всевозможные лишения
На пути встречал он трудном.
По бесчисленным дорогам.
Подымаясь, шел вперед,
И не знал он и не ведал
Дня, когда, свой долг исполнив,
Повернет он в путь обратный

И на родину пойдет.

Итак, сын дракона покорил злого духа, а дух Черной реки помог Трипитаке и его ученикам переправиться через реку, чтобы они могли продолжать свой путь на Запад. Они шли очень долго, преодолевая все трудности и невзгоды, выпадающие на долю путников. И вот снова наступила весна.

Время снова изменилось,
И в природе — ликование;
Время снова изменилось:
Брызжет радуги сиянье,
Ясны краски небосвода.
Торжествует вся природа.
Грудь земли в цветах красивых.
Снег дрожит еще на сливах,
Ширь хлебов — рекой широкой,
Мчатся горные потоки,
Ледники не сразу тают:
Родники они питают.
Следа нет бывшего пала —
Снова зелень чащей стала.
Нам поистине известно,
Что на облаке небесном
Сам Фу-си парит над нами:
Наблюдает за полями
Бог могучий урожая,
На созвездьях проезжая.
Вновь цветов благоуханье,
Ветра теплого дыханье,
Снова солнце огнезрочно,

В небе облако прозрачно,
По краям дороги ивы
Зеленеют прихотливо,
Льются струи дождевые
И поят ростки живые:
Дождик, дождик благодатный
Над весною необъятной.

Трипитака и его ученики наслаждались прекрасными пейзажами, которые открывались их взору. И вот однажды они вдруг услышали странный шум и крики. Казалось, голоса тысяч людей сливаются в этих криках. Трипитака почувствовал, как страх западает к нему в душу. Он остановил коня, не решаясь ехать дальше.

— Сунь У-кун, — сказал он обернувшись, — откуда этот шум?

— Не иначе, как земля трескается и валятся горы, — сказал Чжу Ба-цзе.

— Я думаю, что где-то разразилась страшная гроза, — высказал свое предположение Ша-сэн.

— Нет, это крики людей и лошадиное ржанье, — произнес Трипитака.

— Да разве можете вы знать, что это такое, — улыбаясь, сказал Сунь У-кун. — Обождите, сейчас я все выясню.

И наш прекрасный Сунь У-кун, потянувшись всем телом, сделал прыжок и очутился на облаке: С высоты он внимательно осмотрел все вокруг и увидел вдали город. Он пролетел еще немного и приблизился к городу, чтобы рассмотреть все более подробно, но и здесь увидел лишь исходящее от города сияние, свидетельствующее о счастье и благополучии. Ничего зловещего он не заметил.

«Чудесное место, — подумал Сунь У-кун. — Но откуда все же исходит такой страшный шум?.. Здесь не видно ни знамен, ни оружия, а гул стоит такой, как будто идет целая армия...»

И вот, размышляя об этом, он вдруг увидел огромную толпу монахов, которая медленно шла по пустырю, находящемуся на отмени за городскими воротами. Каждый из них тянул за собой нагруженную тачку, выкрикивая при этом: «О великий бодисатва Дали, помоги нам!» Этот шум и встревожил Трипитаку.

Сунь У-кун потихоньку опустил на своем облаке вниз и тут увидел удивительную картину:

тачки, которые везли монахи, были нагружены кирпичом, бревнами, саманом и прочими строительными материалами. Эти отмели представляли собой очень крутой откос, по которому вилась узенькая тропка. Причем тропка эта круто подымалась по отвесной скале и казалось совершенно непонятным, как по ней можно втаскивать тачки. Несмотря на теплую погоду, монахи были одеты в темно-синюю холщовую одежду.

«Видимо, строят монастырь, — подумал Сунь У-кун. — Пора сейчас горячая, сбор урожая в самом разгаре, вот они и не могут найти рабочих и строят сами».

Не успел он об этом подумать, как вдруг заметил, что из городских ворот вышли два молодых даоса, которые с важным видом направились к монахам. И вы взгляните только, как они были одеты:

От звездных шапок падает сиянье,
Как радуга, блистают одеянья,
И вышиты узоры по краям.
А туфли — для ходьбы по облакам.
С луною полной лиц округлых сходство,
На лицах — выраженье благородства,
О сущности небесной говорит
Их благосклонный и изящный вид.

Завидев приближающихся даосов, монахи затрепетали и с еще большим усердием стали толкать свои тачки.

«Так вот оно что! — начал догадываться Сунь У-кун. — Эти монахи, видно, боятся даосов. Иначе они бы так не старались. Однажды я слышал, что на Западе есть место, где дао в почете, а буддизм преследуется. Уж не оно ли это? Надо бы сообщить учителю, однако я еще не все понимаю и могу рассердить его. Он скажет, что я, такой умный, не смог разобраться в том, что тут делается. Надо спуститься вниз и расспросить поподробнее, а потом уже идти к учителю».

Так он и сделал. Опустившись на облаке у городской стены, он встряхнулся и принял образ странствующего даосского монаха. На плече он нес корзину для огня и воды, — в руке держал барабан и под его аккомпанемент напевал даосские песнопения. Подойдя к воротам, он встретился с даосами и, почтительно склонившись перед ними, произнес:

— Уважаемые даосы, смиренный монах приветствует вас!

— Откуда вы прибыли, учитель? — ответив на приветствие, спросили даосы.

— Я странствую и, можно сказать, побывал на краю света, — отвечал Сунь У-кун. — Придя в ваши края, я хотел собрать подаяние. Не будете ли вы столь любезны сказать мне, где живут здесь любящие учение дао и ценящие достойных людей?

— Да что вы, учитель, — со смехом отвечали даосы. — Как можете вы говорить подобные вещи?

— Что же особенного я сказал? — удивился Сунь У-кун.

— Да хотя бы то, что вы собираетесь просить подаяние, — отвечали даосы.

— Человек, отрекшийся от мира, не может прокормиться иным путем, — сказал Сунь У-кун. — Как бы стали монахи жить, если бы не просили подаяния?

— Вы — человек, прибывший издалека, и ничего не знаете, — сказали с улыбкой даосы. — В нашем городе не только гражданские и военные чиновники, но и все богатые люди являются горячими почитателями учения дао. Поэтому здесь все от мала до велика относятся к нам с большим уважением и всегда готовы помочь. Но самое главное то, что правитель этого города сам является приверженцем учения дао.

— Я молод, — сказал Сунь У-кун, — пришел издалека и действительно ничего не знаю. Я бы очень просил вас, почтенные даосы, из чувства любви к своему единоверцу сказать мне, как называется эта страна и почему правитель ее сделался таким ревностным сторонником учения дао.

— Наша страна называется Чэчиги, — отвечали даосы, — правитель ее — наш родственник.

— Как же так? Неужели даос стал императором? — не удержавшись от хохота, спросил Сунь У-кун.

— Нет, — отвечали даосы. — Двадцать лет назад здесь была засуха, посевы погибли и пришел голод. Все население — и сановники, и простолюдины совершали обряды очищения, возжигали фимиам и горячо молились о дожде. И вот, когда, казалось, надежды больше не было, с неба неожиданно спустились три бессмертных, которые спасли нашу страну от бедствия.

— Кто же они такие? — поинтересовался Сунь У-кун.

— Всеми уважаемые учителя нашей страны, — отвечали даосы.

— А как их зовут?— снова спросил Сунь У-кун.

— Старшего зовут Сила тигра, — отвечали даосы. — Второго — Сила оленя, и третьего — Сила барана.

— Какими же волшебными силами обладают ваши уважаемые наставники? — спросил Сунь У-кун.

— Одним взмахом руки они могут вызывать ветер и дождь, превращать воду в масло. Прикоснувшись к камню, они без всякого труда превращают его в золото. Обладание волшебной силой, которая способна поспорить с небом и землей, а также власть над духами звезд, вызвали к этим бессмертным глубочайшее уважение нашего государя и его министров и желание породниться с этими даосами.

— Ваш государь — счастливый человек, — выслушав их, сказал Сунь У-кун — Недаром говорится: «Искусство покоряет даже государей и министров». Раз ваши учителя обладают такими необыкновенными способностями, породниться с ними, несомненно, большая честь для каждого. О, я почел бы для себя за счастье повидать их.

— А это не так уж трудно, — с улыбкой отвечали даосы. — Мы самые близкие их ученики. А кроме того, их преданность учению дао так велика, что они тотчас же выйдут встретить вас, как только узнают, что вы даос. И если вы согласитесь, чтобы мы представили вас, это будет совсем просто.

— Премного благодарен за вашу любезность, — громко отвечал Сунь У-кун. — Давайте тотчас же и отправимся.

— Нет, обождите немного, — сказали даосы. — Посидите здесь. Нам надо еще кое-что сделать. После этого мы вернемся сюда и проводим вас.

— Человек, отрекшийся от мира, совершенно свободен, — сказал Сунь У-кун. — Что же вы должны делать?

— Видите этих людей, — указывая на гору, сказали даосы, — они работают для нас. И вот сейчас мы идем проверить, не отлынивают ли они от работы.

— Тут что-то не так, — засмеялся Сунь У-кун. — Ведь последователи буддизма такие же монахи, как и мы. Почему же они должны работать на нас?

— Вы просто не знаете, что здесь происходило, — сказали на это даосы. — В тот год, когда наступила засуха, буддисты обращались к Будде, а даосы — к духу Полярной звезды. И те и другие были на содержании императорского двора. Моления буддийских монахов не помогли. Но стоило появиться здесь нашим учителям, как сразу же полил дождь, и тысячи людей избавились от постигшего их бедствия. Император был очень разгневан, приказал разрушить буддийские монастыри, разбить изображения будд, а чтобы буддийские монахи не могли вернуться на родину, лишил их монашеских свидетельств. После этого он отдал их нам, и они стали для нас чем-то вроде слуг. Они работают истопниками, подметальщиками, привратниками, словом, делают то, что нам надо. Сразу за храмом есть жилые помещения, которые еще недостроены, так вот мы заставляем их переносить туда кирпич, черепицу и строительный материал.

— Не везет мне, — выслушав их, со слезами на глазах проговорил Сунь У-кун. — Так, видно, и не придется мне повидать ваших учителей.

— Это почему же? — удивились даосы.

— А вот почему, — отвечал им Сунь У-кун. — Должен вам сказать, что я странствую не только потому, что принял монашеский обет и собираю подаяние. Я разыскиваю одного моего родственника.

— Кого именно? — спросили даосы.

— Дядю, — отвечал Сунь У-кун, — который еще в молодости отрекся от мира, принял монашеский обет и стал последователем буддизма. Однажды во время голода он отправился в дальние края собирать подаяния, и с тех пор я ничего не слышал о нем. Дядя сделал мне много добра, и я во что бы то ни стало решил разыскать его. Кто знает, быть может судьба забросила его сюда, а его здесь задержали — и он не может вернуться домой. Если бы я нашел его, мы поговорили бы, и после этого я отправился бы с вами в город.

— А вы так и сделайте, это совсем не трудно, — посоветовали даосы. — Мы посидим здесь, а вы отправляйтесь на отшель и вместо нас проверьте, как идет работа. В списке их числится пятьсот человек. Поищите, может быть, среди них действительно имеется ваш дядя. Тогда из уважения к вам, как к единоверцу, мы охотно освободим его, и после этого все вместе отправимся в город.

Сунь У-кун от всей души поблагодарил монахов за совет и пошел к отшель. Направляясь туда, он все время бил в барабан, и так подошел к вершине. Увидев Сунь У-куна, монахи бросились на колени и стали отбивать земные поклоны, приговаривая:

— Отец наш! Никто здесь не ленится. Все пятьсот человек усердно работают.

«Видно, даосы не очень-то хорошо обращаются с этими монахами, — усмехнувшись про себя, подумал Сунь У-кун. — Раз они дрожат от страха даже передо мной, то, увидев настоящих хозяев, наверное, готовы умереть от страха».

— Встаньте и не бойтесь, — махнул рукой Сунь У-кун. — Я пришел сюда вовсе не для того, чтобы проверять вас. Мне надо отыскать здесь родственника.

Тогда монахи окружили его тесным кольцом, и каждый стремился показать свое лицо, кашлянуть, в общем как-нибудь обратить на себя внимание, горя желанием оказаться его родственником, в надежде освободиться из этих мест.

— Кто же это может быть? — спрашивали они друг друга.

Внимательно осмотрев их, Сунь У-кун вдруг расхохотался.

— Очевидно, вы, почтенный отец, не нашли своего дядю, — сказали монахи. — Что же вас насмешило?

— Вы хотите знать это? Я скажу, — отвечал Сунь У-кун. — Я смеюсь над вами потому, что вы совершенно не оправдываете своего звания. Я не знаю, почему вас отдали с монахи ваши родители: может быть, вы нарушили законы, либо непочтительно вели себя с родителями или сестрами. Но раз уж вы приняли монашеский обет, ваш долг исполнять три священных заповедей буддистов: поклоняться Будде, совершать моления, читать священные книги. Почему же вместо этого вы работаете на даосов, словно их рабы?

— Ты, что же, решил поиздеваться над нами? — отвечали на это монахи. — Видно, человек ты здесь новый и не знаешь, какая беда постигла нас.

— Верно, — подтвердил Сунь У-кун. — Я только что прибыл сюда и ничего не знаю.

— Правитель этой страны, — начали монахи, не в силах сдержать слез, — человек несправедливый. У него в почете только даосы. А на почитателей Будды он разгневался.

— За что же? — поинтересовался Сунь У-кун.

— Да все произошло из-за моления о дожде, — продолжали даосы. — Появление трех бессмертных оказалось для нас роковым. Они втерлись в доверие к государю и убедили его разрушить наши монастыри и отобрать у нас монашеские свидетельства, чтобы мы не могли вернуться домой. Но, мало того, нам не разрешили трудиться для самих себя, а заставили работать на этих даосов, словно мы их слуги. Стоит появиться здесь какому-нибудь странствующему даосу, как его с почетом провожают к самому правителю и щедро одаривают. Если же сюда забредет буддийский монах, то откуда бы он ни пришел — из ближайших мест или издалека, — его тотчас же лишают свободы и превращают в раба.

— Видимо, эти даосы обладают какой-то чудодейственной силой, раз смогли так прибрать к рукам государя, — сказал Сунь У-кун. — Говоря по совести, вызвать ветер или послать дождь, дело — обычное для последователей ложного учения. И этим доверие правителя не завоеешь.

— Эти бессмертные умеют также из песка плавить ртуть, — продолжали монахи. — Могут погружаться в самосозерцание, знают, как воду превращать в масло, а камень — в золото. Сейчас они построили храм в честь даосской троицы, где проводят дни и ночи за чтением священных книг и совершением обрядов. Они молятся о том, чтобы правитель остался вечно юным. Всем этим они и покорили его.

— Так вот оно что! — выслушав их, сказал Сунь У-кун. — А почему бы вам не бежать отсюда?

— Отец наш, это невозможно, — отвечали даосы. — Эти бессмертные уговорили государя написать с нас портреты и развесить их по всей стране. Нет такой деревушки, где бы не был вывешен портрет каждого из нас, с собственноручной надписью государя. За поимку каждого монаха чиновнику обещано повышение на три ранга. А простым гражданам выдается вознаграждение в пятьдесят лян*. Не то что монах, всякий, у кого острижены волосы или есть плешь, не сможет уйти отсюда. Эта страна кишит соглядатаями и шпионами. Никакие хитрости и уловки не помогут выбраться отсюда. Выхода нет: приходится мириться со своей участью и страдать.

— Тогда вам лучше умереть, — сказал им Сунь У-кун.

— Многих уже нет в живых, отец родной, — отвечали монахи. — Нас здесь, вместе с теми, кого изловили и привели еще со всех концов страны, было более двух тысяч человек. Семьсот умерло: кто от страданий, кто от жары, некоторые от холода и голода. Человек восемьсот покончили с собой. Сейчас осталось пятьсот человек, которым не удалось умереть.

— Как это понимать? — спросил Сунь У-кун.

— У кого веревка оборвалась или нож оказался тупым, на некоторых яд не подействовал, — отвечали монахи. — Были такие, которые бросались в реку, а их течением выносило на поверхность.

— Но вы должны быть счастливы, что небо ниспослало вам долголетие, — сказал Сунь У-кун.

— Отец ты наш, — с горечью молвили монахи. — Ты не так выразился. Вернее было бы сказать, что небо обрекло нас на вечные муки. Три раза в день нас кормят жиденькой кашцей из самого низкосортного пшена. Ночуем мы прямо здесь, на отмели, под открытым небом. Духи стерегут нас.

— Какие там духи? Просто вы так устаете за день, что ночью вам снятся черти, — сказал Сунь У-кун.

— Нет, это не черти, — возразили монахи. — Это духи тьмы и света Лю-дин и Лю-цзя и духи храма— хранители учения Будды. С наступлением ночи они появляются для того, чтобы не дать никому из нас умереть.

— Ничего разумного я в этом не нахожу, — заметил Сунь У-кун. — Им следовало бы помочь вам поскорее умереть и попасть на небо.

— Они говорят нам, — ответили монахи, — чтобы мы не стремились к смерти, а стойко переносили выпавшие на нашу долю страдания, так как вскоре из Восточной земли сюда придет Танский монах — Лохань, идущий на За пад за священными книгами. У этого монаха есть ученик Великий Мудрец, равный небу, который обладает великой волшебной силой. У него верное сердце, он борется с несправедливостью, помогает каждому, кого постигло

несчастье, призывает вдов и сирот. Вот духи и велели нам ждать этого Мудреца. Они сказали, что он уничтожит даосов и вернет нам нашу былую славу, а также наши монастыри.

«Видно, я все же обладаю кое-какими способностями, — выслушав монахов, улыбнулся Сунь У-кун, — раз о моем прибытии духи заранее оповещают».

Тут он быстро повернулся и, простившись с монахами, пошел к городским воротам, ударяя в барабан.

— Ну, нашли своего родственника? — спросили даосы, когда он подошел к ним.

— Они все мои родственники, — отвечал Сунь У-кун.

— Откуда же у вас так много родственников? — рассмеялись даосы.

— Сто из них — соседи с левой стороны, другие сто — с правой, — сказал Сунь У-кун. — Еще сто — друзья по отцу и сто — по матери. А остальные сто — побратимы. Освободите их, и тогда я пойду с вами в город. Иначе ни за что не пойду.

— Ты, видно, рехнулся, — сказали даосы, — и несешь какую-то чепуху. Этих монахов правитель отдал нам, чтобы они нас нас работали. Если бы даже мы и решились освободить одного или двух, так прежде мы должны были подать нашим учителям официальную бумагу о том, что эти люди больны, а потом уже сообщить об их смерти. Как же можно говорить о том, чтобы освободить их всех! Это совершенно невозможно, совершенно! Мы не посмеем сделать этого не только потому, что останемся без слуг, но также и потому, что навлечем на себя гнев правителя, который часто сам проверяет нас здесь.

— Значит, не хотите освободить их? — спросил Сунь У-кун.

— Не можем, — отвечали те.

Сунь У-кун еще дважды повторил свою просьбу и, получив отказ, рассвирепел, вытащил из уха свой посох и, помахав им против ветра, произнес заклинание. Посох тотчас же стал толщиной с чашку. Тогда, размахнувшись им, он ударил даосов по головам, и те рухнули на землю. Черепа их раскололись, мозг брызнул в разные стороны.

Монахи, издали наблюдавшие за Сунь У-куном, побросали свои тачки и, подбежав к нему, закричали:

— Ой, горе! Ой, беда! Ведь ты убил самых близких людей правителя!

— Кто же они такие? — спросил Сунь У-кун.

— Да ведь их учителя неотлучно находятся при правителе, — сказали монахи, окружив Сунь У-куна тесным кольцом. — Правитель иначе к ним и не обращается, как: «Государственный наставник, брат или учитель». Им разрешено даже не оказывать никаких почестей правителю. Какую же беду ты натворил! Ведь эти даосы были посланы наблюдать за нашей работой и к тебе никакого отношения не имели, зачем же ты убил их? Бессмертные, конечно, и не подумают обвинить в этом убийстве тебя. Они скажут, что это дело наших рук. Что же нам теперь делать? Мы вместе с тобой пойдем в город и заявим о преступлении.

— Перестаньте шуметь, — сказал улыбаясь Сунь У-кун. — Никакой я не бродячий даос и пришел сюда, чтобы спасти вас.

— Своим поступком ты лишь увеличил наши страдания, — продолжали кричать монахи. — Какой же ты спаситель!

— Я — ученик Танского монаха Сунь У-кун, и пришел сюда именно для того, чтобы спасти вас.

— Неправда! — вскричали монахи. — Сунь У-куна мы бы узнали!

— Да вы же его никогда не видели! — удивился Сунь У-кун.

— Во сне к нам часто являлся старец, который называл себя духом Вечерней звезды, — отвечали монахи. — Он так подробно описал нам Сунь У-куна, что ошибиться было бы невозможно.

— Что же он говорил вам? — спросил Сунь У-кун.

— Он говорил, что у этого Мудреца:

Приплюснут лоб; глаза — оттенка стали;

Лицо в шерсти — худые щеки впали;

Торчат клыки; блестящий взор лукавый

Являет озорство и живость нрава.

Казалось, он подобен Богу грома,

И все-таки он странен по-другому,

И старый посох с ободком блестящим

В его руках стал грозным и разящим.

Поднял он против неба возмущенье,

Теперь же он идет стезей спасенья;

Для Танского монаха стал опорой

И людям он в беде помощник скорый.

Сунь У-кун остался очень доволен тем, что дух Вечерней звезды заранее сообщил монахам о его прибытии и вместе с тем рассердился.

«Зачем этот старый разбойник, — думал он, — раскрыл мое настоящее обличие этим простым смертным?»

— Вы действительно правы, — сказал он монахам. — Я не Сунь У-кун, я его ученик и прибыл сюда для того, чтобы научиться искусству навлекать беду. А вон там идет сам Сунь У-кун, — прибавил он, указывая на восток.

И пока монахи смотрели в указанном направлении, Сунь У-кун принял свой обычный вид. Увидев его, монахи низко склонились и молвили:

— Господин наш, прости наше невежество, не узнали мы тебя. Помоги нам отомстить за нашу обиду. Необходимо тотчас же пойти в город, усмирить мошенников и восстановить справедливость.

— Что же, пошли, — сказал Сунь У-кун. И они отправились.

Сначала Сунь У-кун пошел на самую вершину отмели. Здесь при помощи волшебства перетащил все тачки на вершину холма. Затем он поднял их и со всей силой швырнул на землю: тачки разлетелись на мелкие части. После этого он разбросал кирпич, черепицу и прочий строительный материал.

— Ну, а теперь расходитесь! — крикнул он монахам: — И не попадайтесь мне на глаза. Завтра же отправлюсь к вашему царю и уничтожу его любимых даосов.

— Господин наш, — сказали на это монахи, — мы не смеем уйти отсюда. Если мы попадем в руки чиновников, нас передадут властям: ведь за каждого из нас обещана награда.

— В таком случае, — сказал Сунь У-кун, — я научу вас, как защищаться.

И с этими словами наш прекрасный Мудрец выдернул у себя клочок шерсти, разжевал ее на мелкие кусочки и дал каждому монаху несколько волосков.

— Положите это под ноготь безымянного пальца, — сказал он им, — и сожмите руку в кулак. Прodelав это, вы можете спокойно идти, никто не осмелится тронуть вас. Если же кто-нибудь

попытается это сделать, сожмите кулак и крикните: «Великий Мудрец, равный небу!» Я тотчас же приду вам на помощь.

— Господин наш, — молвили в ответ монахи. — А что делать, если мы уйдем далеко и ты не услышишь нас?

— Не бойтесь, все обойдется, — успокоил их Сунь У-кун. — Если даже вы уйдете за десять тысяч ли отсюда, вы будете в полной безопасности.

Тогда один из монахов, самый смелый, решил проверить действие этого волшебства и, сжав кулак, потихоньку произнес: «Великий Мудрец, равный небу!» В тот же миг перед ним появился Бог грома с железным посохом в руках. Перед его грозным видом отступила бы даже многотысячная армия.

После этого еще человек сто проверили волшебный способ, и появилось сто других мудрецов-хранителей. Изумленные монахи низко кланялись, приговаривая:

— Поистине свершилось чудо, о котором вы, учитель, говорили.

— Теперь слушайте дальше, — продолжал Сунь У-кун. — Как только опасность пройдет, вы скажите: «Спокойно!» — и они вернутся на свои места.

И действительно, стоило произнести «спокойно», как боги-хранители снова превратились в клочки шерсти и вернулись на прежнее место — под ноготь. После этого монахи, радостные и довольные, стали расходиться.

— Особенно далеко не уходите, — наставлял их Сунь У-кун. — Ждите вестей обо мне из города. Как только выйдет приказ всем буддийским монахам вернуться в город, вы приходите и верните мне мою шерсть.

Итак, монахи стали расходиться: кто на восток, кто на запад, некоторые остались на месте. Однако рассказывать об этом мы сейчас не будем и вернемся к Трипитаке.

Он долго ожидал Сунь У-куна, однако, не дождавшись, велел Чжу Ба-цзе вести коня, и они двинулись дальше. По пути им то и дело встречались монахи. Наконец путники подошли к городу, и тут неожиданно увидели Сунь У-куна, который стоял в окружении монахов.

— Сунь У-кун, — обратился к нему Трипитака, — ведь я послал тебя узнать, откуда исходит шум. Почему же ты так долго не возвращался?

Вместо ответа Сунь У-кун подвел к нему монахов и велел им приветствовать учителя. Затем он рассказал Трипитаке все, что здесь произошло.

— Что же это такое?! — воскликнул Трипитака. — Что с нами будет?

— Успокойтесь, учитель, — сказали монахи, — Великий Мудрец — существо необыкновенное. Его волшебная сила оградит вас от всяких тревог и волнений. Мы — монахи монастыря Чжюаньсы, построенного в этом городе по велению императора. Наш монастырь не разрушен лишь потому, что его выстроили по приказу предка нынешнего правителя и в нем находится изображение этого предка. Остальные монастыри все до одного разрушены. Потому мы просим вас, учитель, остановиться в нашем убогом монастыре. А завтра утром Великий Мудрец найдет для вас более подходящее жилье.

— Что ж, вы правы, — сказал Сунь У-кун. — Нам надо заблаговременно въехать в город.

Трипитака сошел с коня и направился к городским воротам.

Солнце клонилось к западу. Они прошли по подвесному мосту под трехъярусными воротами. Увидев монахов из монастыря Чжюаньсы, которые вели коня и несли вещи, горожане поспешили скрыться. Между тем монахи подошли к монастырю. Над воротами висела вывеска, на которой большими золотыми иероглифами было написано: «Монастырь Чжюаньсы, выстроен по велению императора». Монахи отперли ворота, прошли через зал Богов — хранителей пяти стран света и, наконец, открыли двери главного храма. Тут Трипитака облачился в рясу, поклонился золотой статуе Будды и лишь после этого вошел в храм.

Монахи позвали сторожа. На зов явился старик монах. Увидев Сунь У-куна, он тотчас же склонился перед ним и воскликнул:

— Господин наш, наконец-то ты явился!

— За кого ты меня принимаешь, что воздаешь мне такие почести?— спросил Сунь У-кун.

— Ведь ты Великий Мудрец, равный небу, отец наш Сунь У-кун, — отвечал монах — Каждую ночь к нам являлся дух Вечерней звезды, велел нам ждать твоего прихода и сказал, что ты нас спасешь. Я сразу узнал тебя. Какое счастье, что ты пришел! Опоздай ты еще на несколько дней, и нас уже не было бы в живых.

— Встаньте! — произнес улыбаясь Сунь У-кун. — Завтра все решится!

Монахи приготовили поесть, затем подмели и после этого все улеглись спать. Наступила уже вторая стража, а Сунь У-кун все не мог уснуть. Он думал о следующем дне. Вдруг до него донеслись звуки музыки. Сунь У-кун потихоньку встал, оделся и совершил прыжок в воздух. С высоты он увидел, что в южной стороне города зажглись фонари и факелы. Спустившись пониже, он присмотрелся более внимательно и увидел, как в храме Саньцингуань даосы совершают моление в честь Полярной звезды.

Таинственное это было место
Там высился величественный храм,
Божественное это было место
Там веры истинной был дивный храм.
Обетованная страна бессмертных,
И небожителей достойный край
Роскошный храм в земле обетованной
Напоминал великолепьем, рай
Даосы там играли на свирелях:
Они сидели строго, в два ряда,
Гимн благодарственный они слагали
О том, что миновала их беда
На середине восседал Владыка,
Нефрит священный он в руках держал.
Из книги Даодэцзин он поученье
О праведности истинной читал
Даосы, пыль столбами подымая,
Вели о тайных знаках разговор;
Склонялись ниц, закончив объясненья, —
И о дожде молил согласный хор
Свечей горящих ввысь тянулось пламя,
И аромат вздымался к небесам,
Звезде Полярной в знак благоговенья
Даосы воскурили фимиам
На столиках плодов лежала груда,
И яств отборных подавались блюда.

На главных воротах храма висели два свитка из желтого шелка, на которых было вышито двадцать два иероглифа. Надпись гласила: «Да будут благоприятными дождь и ветер. Да будет

неизмеримой для вас милость неба. Да царят мир и благоденствие в вашей стране. Да продлится на тысячи лет счастливое правление». Тут Сунь У-кун увидел трех почтенных даосов в священных одеждах, в которых узнал бессмертных: Силу оленя, Силу тигра и Силу барана. Перед ними стояла толпа молящихся — человек восемьсот. Расположившись в два ряда, они били в барабаны и гонги, возжигали благовония, моля о прощении грехов.

«Вот я сейчас спущусь вниз и смешаюсь с толпой, — с удовольствием подумал Сунь У-кун. — Однако недаром говорится, что «Из одной ворсинки шелка нитки не получится, а одной ладонью невозможно хлопнуть». Надо позвать Чжу Ба-цзе и Ша-сэна, и мы все вместе сыграем с ними шутку».

На облаке Сунь У-кун спустился прямо в храм и тут увидел Чжу Ба-цзе и Ша-сэна. Они спали на одной постели головами в разные стороны. Он стал будить Ша-сэна.

— Ты что, брат, не спишь? — спросил тот.

— Вставай, — сказал ему Сунь У-кун. — Забавное дело есть. — Какие еще там забавы, когда уже третья стража, — заворчал Ша-сэн. — Во рту пересохло и глаза слипаются.

— Здесь в городе есть храм, выстроенный в честь даосской троицы — Саньцингуань, — сказал Сунь У-кун, — как раз сейчас даосы совершают там моление. Храм полон разного рода снедью, предназначенной для жертвоприношений. Там и пампушки величиной с кадушку, и печенье весом не меньше пятидесяти цзиней каждое — всего не перечесть. Много фруктов. Пойдем полакомимся.

Услышав о еде, Чжу Ба-цзе тотчас же проснулся.

— А меня почему не зовешь? — спросил он.

— Вот что, братья, — сказал тогда Сунь У-кун. — Если хотите поесть вволю, пойдемте, только без шума, чтобы не разбудить учителя.

Они поспешно оделись, потихоньку вышли из храма и вскочили на облако. Увидев зажженные фонари, Дурень готов был сразу же приступить к делу. Однако Сунь У-кун остановил его.

— Не торопись. Подождем, пока они разойдутся.

— Да у них моление в самом разгаре, — заметил Чжу Ба-цзе. — Они и не думают уходить.

— Погоди, я знаю, как заставить их покинуть храм, — сказал на это Сунь У-кун.

После этого наш чудесный Великий Мудрец произнес заклинание и изо всех сил дунул в юго-

восточном направлении. В тот же миг поднялся бешеный ураган. Ветер, ворвавшись в храм, опрокинул вазы с цветами, повалил подсвечники, сорвал со стен свитки с надписями. В храме сразу стало темно. Даосы помертвели от страха.

— Дети мои, — сказал бессмертный Сила тигра. — Разойдитесь пока. Ветер загасил фонари и свечи и развеял благовония. Пусть каждый удалится сейчас на покой, а утром мы прочтем побольше псалмов и таким образом наверстаем упущенное сегодня время.

Даосы разошлись, а Сунь У-кун и его спутники опустились вниз и проникли в зал Саньцингуань — даосской троицы. Дурень с жадностью набросился на еду и поедал все, что попадалось под руку, не разбирая вареная эта пища или сырая. Тогда Сунь У-кун ударил его посохом по рукам.

— Я еще не распробовал как следует все эти лакомства, а ты уже дерешься, — проворчал Чжу Ба-цзе, отдернув руки.

— Веди себя прилично, — сказал Сунь У-кун. — Давайте сядем и будем есть, как полагается.

— Вот еще новости! — возразил Чжу Ба-цзе. — Если мы будем соблюдать приличие, ворую, то что станем делать, когда нас пригласят в гости?

— А что за бодисатвы сидят там, наверху? — спросил Сунь У-кун, не отвечая Чжу Ба-цзе.

— О! — изумился Чжу Ба-цзе. — Если ты не знаешь даосскую троицу, то каких бодисатв ты знаешь?

— Что же это все-таки за божества? — повторил свой вопрос Сунь У-кун.

— В центре сидит изначальный Владыка неба, — сказал Чжу Ба-цзе, — слева от него — Владыка небесных сокровищ, а справа — великий Лао-цзюнь.

— Мы должны принять их облик, — сказал Сунь У-кун, — и тогда можем спокойно приступить к еде.

Запах съестного дразнил Чжу Ба-цзе, и он горел нетерпением скорее приступить к делу. Он взобрался на возвышение, рылом столкнул оттуда статую Лао-цзюня и сказал:

— Ну, почтенный старец! Хватит тебе восседать здесь. Дай теперь и мне посидеть немного.

Таким образом Чжу Ба-цзе превратился в великого Лао-цзюня. Точно так же Сунь У-кун превратился в изначаль- ного Владыку неба, а Ша-сэн — во Владыку небесных сокровищ.

Не успел Чжу Ба-цзе сесть, как тотчас же схватил огромную пампушку и начал ее уписывать.

— Не торопись! — сказал ему Сунь У-кун.

— Чего же еще ждать? — спросил Чжу Ба-цзе. — Ведь мы уже приняли их облик.

— Братья, — сказал тогда Сунь У-кун. — Поесть — дело немудреное. А вот если мы выдадим себя раньше времени, то будет худо. Мы повалили на пол статуи их богов. А ведь рано утром сюда может прийти какой-нибудь даос звонить в колокол или подметать. Представьте себе, что он споткнется об эти статуи. Тогда мы сами выдадим себя. Надо лучше спрятать их подальше.

— Куда же их спрячешь, — возразил Чжу Ба-цзе. — Мы в этом храме первый раз и ничего здесь не знаем. Тут и дверей не найдешь.

— Когда мы вошли сюда, — сказал Сунь У-кун, — я справа заметил маленькую дверь. Судя по запаху, который исходит оттуда, там должен быть склад зерна. Вот и стащи их туда.

Дурень был силен. Спрыгнув вниз, он взвалил себе на спину все три статуи и унес их. Подойдя к двери, о которой говорил Сунь У-кун, он толкнул ее ногой и увидел, что это вовсе не склад зерна, а уборная.

— Ну и шутник же этот бимавэнь, — со смехом сказал Чжу Ба-цзе. — Даже для сортира он решил подобрать соответствующее даосское название.

Прежде чем свалить свою ношу на землю, Чжу Ба-цзе обратился к даосским божествам с молитвой и забормотал: «Выслушайте меня, всемогущие боги, мы пришли сюда издалека. Мы без труда расправлялись со всякими духами. Здесь мы желали устроить трапезу, но не могли найти себе пристанища. Поэтому мы и решили занять ненадолго ваши места. Вы давно уже сидите там, так что некоторое время можете побыть и в уборной. Вам подносили обильные приношения; что давало вам возможность соблюдать благочестие и чистоту. Ну, а теперь некоторое время вам придется довольствоваться грязными подношениями и побыть божествами, воспринимающими зловонные подаяния».

После этого Чжу Ба-цзе сбросил статуи в яму. Раздался всплеск, и зловонная жидкость забрызгала платье Чжу Ба-цзе.

— Ну как, хорошо спрятал их там? — спросил Сунь У-кун.

— Хорошо, — отвечал Чжу Ба-цзе. — Вот только запачкался немного. Так что, если почувствуете неприятный запах, не обессудьте, пожалуйста!

— Ладно, — сказал смеясь Сунь У-кун. — Иди ешь. Однако перед тем как выйти отсюда, тебе следует немного почиститься.

Наконец Чжу Ба-цзе уселся, и они втроем приступили к пиршеству. Сначала они съели все большие пампушки, потом принялись за блюда с бамбуком, пироги, печенье, жареные пирожки и так далее, уже не разбираясь, какое перед ними блюдо — холодное или горячее, и поедая подряд все, что им попадалось под руку.

Здесь надо сказать, что Сунь У-кун не был большим любителем всякого рода печений и вареной пищи, поэтому он ограничился тем, что поел немного фруктов, чтобы составить компанию своим приятелям. Все запасы еды были вмиг уничтожены, словно их смело ураганом. Однако они и не думали уходить из храма, а продолжали беседовать и шутить, наслаждаясь только что съеденными лакомствами.

И надо же было случиться беде! Какой-то даос, спавший на восточной веранде, вдруг проснулся и сказал:

— А ведь я оставил в храме свой колокольчик. Если я не найду его, то завтра получу нагоняй от моего учителя. Вы спите, — обратился он к своим товарищам, — а я пойду поищу колокольчик.

С этими словами он накинул на себя халат и поспешил в храм. Там в темноте, пробираясь ощупью вперед, он все же нашел свой колокольчик. Но в тот момент, когда он уже хотел идти обратно, он вдруг услышал какие-то звуки. Перепуганный даос ринулся вон из храма, но на бегу наступил на косточку от фрукта личжи и, поскользнувшись, растянулся на земле. Колокольчик разлетелся вдребезги, производя страшный шум. Чжу Ба-цзе не мог удержаться и расхохотался. Тут даос обезумел от страха: падая и спотыкаясь, он пулей вылетел из храма и, подбежав к келье настоятеля, начал колотить в дверь.

— Учитель! — кричал он. — Беда!

Бессмертные еще не спали и, высунувшись из дверей, поинтересовались, что случилось.

— Я забыл свой колокольчик в храме, — начал даос, дрожа от страха, — и когда вернулся, чтобы отыскать его, услышал, что там кто-то хохочет. Я чуть не умер от страха.

— Ну-ка, принесите фонарь! Надо посмотреть, какая нечистая сила туда забралась!

Встревоженные даосы повскакали со своих мест и, захватив факелы и фонари, отправились в храм.

О том, что произошло дальше, вы узнаете из следующей главы.

<http://tl.rulate.ru/book/14623/287646>